

18+

ПОЛИНА
ГОРБОВА

ШОРОХ ДЛАНЬ

Annotation

Эта книга – история о том, как судьбы миров переплетаются в спирали времени. Вместе с тем, это исследование дилемм прогресса и луддизма, гуманизма и трансгуманизма, а также поиск ответов на вечные вопросы: Кто я? В чем мое предназначение? Что ждет нас в будущем? Под сенью ветвей Великого Древа зарождается новый мир. Смогут ли герои принять его? Смогут ли найти в нем – себя?

Шорох Дланы

Полина Горбова

Иллюстратор Ксения Рубанова

Дисклеймер

Данная книга является художественным произведением, не пропагандирует и не призывает к употреблению наркотиков, алкоголя и сигарет. Книга содержит изобразительные описания противоправных действий, но такие описания являются художественным, образным и творческим замыслом, не являются призывом к совершению запрещенных действий. Автор осуждает употребление наркотиков, алкоголя и сигарет. Пожалуйста, обратитесь к врачу для получения помощи и борьбы с зависимостью.

Пролог

Стремительно проталкиваясь сквозь звёздную систему, комета неслась мимо безжизненных и обитаемых планет к неведомой цели. Кубометры пустоты заполняло сиреневатое мерцание газового шлейфа; сияние постепенно усиливалось, стирая грани и превращая пространство в бесконечное море завышенного контраста.

Покрытая зубцами аспидная глобула летела через вселенский омут до тех пор, пока на пути не возникла синеющая гладь планеты-океана.

Каменистый саркофаг сгорел в атмосфере, до воды добралось лишь жёлтое ядро.

Сильный удар о поверхность заставил подводные вулканы неистово извергаться, а волны – вздыматься до небес в сокрушительных цунами, охвативших толщу до дна. Гигантские валы каскадом прокатились по планете, содрогающейся в мощных землетрясениях.

Кратер с угнездившимся ядром мгновенно заполнился водой. Сфера зависла над идеально круглой впадиной, распространяя манящее золотистое свечение в горячей от пробудившейся тектоники воде.

По планете прокатилась дрожь.

Пурпурно поблескивая, за цунами последовала другая волна, несущая хаос совсем иной природы.

Действие первое. Кто я?

– Солнце имеет шесть слоев: три внутренних, три внешних. Обратите внимание на проекцию...

В просторной аудитории в форме греческого театра стыло и сумрачно. Чтобы привлечь рассеянное внимание студентов к мультимедиа, приглушили свет.

Профессор, опрятный старик, опирается правым локтем о стойку кафедры, левой рукой в перчатке нейроинтерфейса водит по воздуху, вращая голографическое изображение Солнца, конусом спускающееся с проектора под потолком в пространство между стеной и первым рядом парт.

Желтые огоньки поблескивают в глазах слушателей.

– Стрелками обозначены солнечная корона, протуберанцы, а в приближении – гранулы...

Миру гипнотизирует плавное вращение звезды. Речь преподавателя превращается в фоновый неразличимый шум. Лилово-желтые абберрации парят в виде колец и аурой окантовывают людей и предметы.

Миру мутит с утра.

Закрыв глаза, она со вздохом откидывается на жесткую и холодную спинку скамьи. На парте лежит голографик – маленький цилиндр с выдвижным экраном, а в нем плавает облачко сообщения с университетской персональной почты: «Мира Даль, зайдите в деканат» с пометкой – срочно!

Она уже знает, зачем.

Через двадцать минут на ковре у декана, тощей женщины с копкой кудрей, напоминающих змей Горгоны, ее отчитывают:

– Два! Два месяца назад вам было сделано последнее предупреждение: если не закроете долги, нам ничего не останется, кроме как отчислить вас! Вы даже не пошевелились!

Мира смотрит под ноги.

– Я понимаю.

– По-моему, не до конца! Ваш отец, уважаемый человек, поручился за вас! Вы только благодаря его протекции так долго здесь продержались. И никаких подвижек! Преподаватели жалуются, говорят, вы часто отвлекаетесь, не можете сосредоточиться, посещаете занятия по желанию и совершенно ничего не делаете дома!

– Они правы.

Горгона несколько смягчается и даже мило улыбается, будто бы по-матерински.

– Почему вы не хотите учиться? Я же вижу, у вас есть потенциал. Может быть, какие-то личные проблемы?

– Не знаю.

– Может, стоит посетить психолога?

Мира смотрит исподлобья.

– Спасибо за участие, но все проблемы, если они есть, я решу самостоятельно.

Декан вздыхает и снова окаменевает.

– Я не сомневаюсь, что решите, но уже вне стен этого заведения.

– Я могу идти?

– Распишитесь в документах. Если захотите восстановиться, мы вас ждем!

– Я подумаю.

Мира направляется к столу секретаря, который разворачивает электронный бланк, и ставит палец в специальную ячейку, где отпечаток успешно оцифровывается.

В коридоре силы покидают ее, она опускается на ступеньки широкой мраморной лестницы.

– Черт! Черт! Я же сама этого хотела! Я сама! Что я теперь ему скажу?

В руках дрожит голографик, под пальцами бежит список контактов. Матильда, отзовись. Ты как старшая сестра, как мудрый сэнсэй, постигший жизни в ее простоте, ты все знаешь, ты подскажешь...

– Мира, привет. Как дела?

– Ты можешь за мной приехать? – голос падает. – Уже почти шесть. Ты занята?

– Что-то случилось? – беспокоится Матильда. – Мира, только не говори, что...

– Да, меня выгнали.

– Понятно. Я рядом, скоро буду, выходи. И постарайся не думать ни о чем, ладно? Отпусти ситуацию, как дзен-буддист...

– Этим я и занимаюсь по жизни...

– Нет, ты занимаешься саморазрушением!

Бывают моменты, когда чувствуешь себя полностью свободным, ничем не связанным, но вместе с тем бессильным. Отпустишь ситуацию, и приходит сиюминутное ощущение безграничных возможностей, которое сначала окрыляет, позволяет борзеть и хлопать дверьми, а затем сменяется абсолютной потерянной. Дальше – что?

Что делать? Мысль граничит с паникой.

Ступеньки глухо стучают под ногами, за ними – холл, кончающийся турникетом. Дрон-охранник вращает головой и что-то пищит одобрительно.

В уютном внутреннем дворике толпятся студенты, разбившись на пары и тройки.

Мира ежится. Пойти бы куда угодно, только не домой – там ждет мрачное лицо отца, из строгого рта, вытянутого в полоску, отрывисто вырываются упреки, нравоучения, благородная мораль. Нотации, нотации, нотации. Одиночество. Муть. Тошнота. Только не сегодня.

Над Светочем гаснет очередной день. Далеко впереди, повиснув над горизонтом, из-за угла зеркальной высотки косо выглядывает Солнце. Как мухи, по воздушным трассам мечутся реактивные кары.

На парковке среди рядов обтекаемых каров ждет Матильда Кох, рыжая худая немка с ястребиными глазами. В льняном костюме и соломенной шляпе, из-под которой струятся прямые волосы. Матильда, опершись на серебристый капот, лениво машет рукой.

Не говоря ни слова, Мира залезает на переднее сидение. В зеркале заднего вида отражается шапочка черных волос, скуластое лицо с голубыми печальными глазами, похожими на два канадских озера.

Матильда заводит машину. Приподнявшись на несколько сантиметров над землей, кар гудит и покачивается, стабилизируясь в гравитационном поле.

– Они назвали причину? – спрашивает Мати.

– Неуспеваемость.

На лице Матильды читается разочарование.

– Последний курс. Как так можно? – с долей сожаления говорит она, слегка водя челюстью, словно удерживая на языке что-то обидное.

Мира молчит.

– Ты просто ленивая! – не выдерживает Кох. – Я не понимаю! У тебя есть хоть какие-нибудь цели в жизни? Хватит плыть по течению!

Мира смотрит в окно.

– Если ты, Мати – атомный ледокол, то я – лишь планктон, который временами кидают в стороны волны жизненных обстоятельств.

– Попробовала бы хоть что-нибудь завершить! – Матильда говорит сама с собой. – Любое дело. Хоть рисунок нарисуй – до конца! Ты даже не представляешь, какую радость и удовольствие приносит законченная работа!

– Дело в том, – говорит Мира, – что ты всегда знаешь, откуда и куда идешь, – голос делается меланхоличным и отстраненным. – А я ничего не знаю и ничего не хочу.

– Куда тебя отвезти?

– Не знаю. – Мира отцепляет от черного платья короткий упругий волос. – Куда-нибудь.

Влившись в гудящую вереницу транспорта, кар летит мимо стеклянных небоскребов, соединенных переходными мостами, словно веретеном деления. В приоткрытое окно дышит приятный весенний холодок, с крыш идет снег из лепестков цветущей вишни.

– Полетели в Булонский лес? – предлагает Матильда. – Мы пытаемся ввести экосистему светлячков с Проксимы. Нужно отобрать нескольких для анализа...

– Да, – перебивает Мира. – Я куда угодно полечу. Только не нуди, пожалуйста, я все равно ничего не понимаю.

Будучи увлеченным биологом, Матильда любит долгие монотонные рассказы о работе в Институте внеземной жизни, которые без сонливости слушает только один человек – ее приятель – телепортатор Уолтер Флоренс, о котором Мира знает только то, что он странный.

На окраине Кох прибавляет скорость, и кар поднимается на высоту птичьего полета, откуда виден остров целиком. Светоч паутиной улиц сковывает цилиндрические тела железобетонных жуков, покрытых стеклянными чешуйками. В центре возвышается колоссальных размеров памятник Пьеру Маршалю – создателю климат-конструктора. От монумента по кругу отходят шесть проспектов, объединенных узкими переулками.

Матильда включает новостной канал на голографике. Появляется изображение молодой блондинки, и поставленный голос разбавляет тягучую тишину в салоне:

«На острове Ярком обнаружено неизвестное ранее вещество, вызывающее коллективные галлюцинации. Об этом в Совет безопасности сообщили из криминального отдела острова. Распространители задержаны. Однако одному из дилеров, известному как Отто Вернер, удалось скрыться от преследования. Объявлен розыск. Фоторобот представлен на экране. Если вам известно местоположение преступника, незамедлительно сообщите в Совет безопасности...»

– Каждый день что-то новенькое, – фыркает Матильда. – Недавно общались с деревьями. Теперь коллективные галлюцинации...

– С деревьями?

Мати отмахивается.

– Уолтер рассказывал. Ты же знаешь, он в паранормальном варится. Вроде бы ищут какое-то говорящее дерево. Не бери в голову.

– Ладно.

– Что за чушь? Я бы вот не хотела ни с кем делить безумие, а ты?

– Наверно, те, кто сознательно идет на такое, устали от одиночества.

– Что ты имеешь в виду?

– Помнишь, ты рассказывала, что иногда ученые объединяют разумы, чтобы решить какую-нибудь сложную задачу?

– Да, так можно частично преодолеть субъективизм в науке. Делают это с помощью специального устройства – трансгрессора, шлем такой, на гребневика похож. И что?

– Может, коллективные галлюцинации – это трансгрессия психическая? Ученые пробивают барьер из смыслов и интерпретаций, а бедные наркоманы – эмоциональный. Может, они потерялись, и это их последний шанс найти контакт с людьми? Раствориться и растворить в себе...

– Мира...

Она замолкает и уходит в свои мысли. Взгляд становится отстраненным. Мати кладет руку ей на плечо.

– Зря я завела этот разговор. Извини. Тебе, наверно, нелегко.

«Вчера на выставке достижений человечества на острове Светоч был представлен новый бионический протез. Создатели утверждают, что система ничем не уступает настоящим конечностям, а подвижностью и силой даже превосходит...»

Кар проносится через Атлантический океан и вскоре зависает над бывшим парком. Матильда выбирает удобное место для посадки. Высунувшись из окна, Мира смотрит вниз, на заросшие озера, корты и велодорожки, пустые рестораны, пристань с полусгнившими лодочками, утопающие в зеленом океане биомассы. Наверное...

«Сущее станет травой», – прорезается вкрадчивый мужской голос. – *«Под сенью ветвей нарождается аморфный мир, который бросит вызов вечности».*

Мира меняется в лице, бледнеет и резко втягивается в салон.

– Кто это? – тихо и настороженно произносит она, вдавливая кнопку, закрывающую окно.

– Что? – Матильда сводит брови. – Что ты сказала?

Я схожу с ума. Это как... как у мамы... Нет, боже, нет! Возьми себя в руки!

– Я говорю, давай сядем у Багателя...

Чистая лужайка, поросшая мелкими желтыми и белыми цветами, влажная от вечерней росы. Впереди небольшой дворец с эркером. Стены увиты плющом, маскирующим дворец среди беспорядочно разросшихся акаций. Едва заметно проступают высокие окна с грязными бельмами разводов, как подслеповатые глаза из мира людей. Матильда лезет на заднее сидение за сачком и банкой.

Пошатываясь на ватных ногах, Мира направляется во дворец, побыть несколько минут в одиночестве.

В затхлом воздухе витает пыльная взвесь, движение двери гонит по полу клубы. Стены давно поблекли. Под ногами хрустят битые бутылки, железки. Валяются тряпки, окурки и разломанные пластиковые контейнеры. Всю мебель из дворца вывезли при переселении на острова, так что осталась просто древняя разлагающаяся коробка – притон для представителей социального дна.

– Что я здесь делаю? – шепчет Мира и смотрит на загаженный пол, затем – на ажурные алебастровые узоры в размытых розовых пятнах...

Они движутся.

Тяжело бьется сердце. Опустив глаза, она усиленно моргает. На периферии продолжается странное вращение стен. Орнамент закручивается одновременно внутрь

и вовне, выворачивается наизнанку, приобретая совсем иную форму.

– Мира! – зовет с улицы Матильда. – Пойдем, темнеет! Тебя еще домой нужно вернуть...

Изображение преломляется, линзируется. Очертания теряются, превращаясь вместе с комнатой в сплошной поток искажений, уплывающий в черно-синюю мглу. Слышится отдаленное утробное бормотание. Шепот. И звук, похожий на биение бубенцов.

На плечо падает тяжелое.

Мира вздрагивает.

Это рука.

– Ты чего застыла? – спрашивает Матильда. – Из реальности выпадаешь? Идем, говорю.

На пороге Мира несколько раз оборачивается и оглядывает пустое фойе.

Около получаса Матильда ведет через густые дубовые, каштановые и липовые рощи, с затесавшимися среди деревьев полуразрушенными фонтанами. Где-то в дебрях располагается бывший климатический сад – ныне исследовательский стационар Института внеземной жизни.

– Слушай, Мира, поговори с отцом начистоту. Уже понятно, что астрономия и космология – это не твой путь. Почему он заставляет?

Не хочется об этом говорить, но Матильда не отстанет.

– Потому что отец, дед и прадед – космологи, – отвечает она с неохотой.

– Они космологи, ты – нет. И что теперь?

– Теперь все.

Острая ветка плетью ударяет по руке, оставляя красный горячий след. Мира шипит от резкой боли.

– Я думаю, рано или поздно ты найдешь призвание, – мягко говорит Матильда, – там, где и не ждешь.

– Какое призвание? Единственное, что меня ждет – это божество в парках.

– Знаешь, – произносит Матильда особенным тоном, который всегда использует, чтобы продавить свою точку зрения, – я верю, что среди людей, как и в природе, не бывает лишних. Если ты есть, значит Вселенной так нужно. Посмотри, – она разводит руками среди темнеющей в сумерках зелени, – тут везде конкуренция. Настоящая война. Одни виды пытаются вытеснить другие. То же самое происходит с тобой. Но это не значит, что для тебя не найдется ниши, понимаешь?

Мира кивает, чтобы хоть как-то отреагировать. На самом деле она уже давно ни на что не надеется.

Выходят к водопаду. Вода там, конечно, не падает. Осталось только нагромождение камней над озером. В сумерках над кронами плавно восходит белая полная луна, оставляя на слабо колышущейся глади озера бледную ребристую дорожку.

– Должно быть здесь, – задумчиво говорит Матильда по пути к густым шуршащим зарослям, нависшим над водой.

Через несколько минут пространство заполняется броуновским движением желтых огоньков. Миру окружает фыркающее сотнями крыльев волшебное облако. Шершавые светляки натываются на раскрытые ладони.

– Знаешь, как называется? – доносится из зарослей. – Билюминесценция. Люциферин окисляется...

Но Мира не слушает.

Ее кружит в россыпи огней. Карусель вращается, ускоряясь все сильнее и сильнее, пока

локоть не задевает огромные паучьи тенета, растянутые между деревьями. Паутину покрывают крупные капли росы, переливавшиеся в свете выющихся насекомых. Мира замирает, не в силах оторвать взгляд от поблескивающих нитей.

И в этот чарующий момент нечто нежно прикасается к руке.

Мягкие лапки огромного черного паука.

– О, Господи! – вскрикивает Мира и со всей силы ударяет по тыльной стороне ладони.

Окружение мгновенно меняется.

Желтые огни меркнут и становятся мелкими точками, как искры костра. Голос Матильды расслаивается, сдваивается где-то вдалеке. Повсюду висит паутина, сплошная сияющая марля без начала и конца. Немного помедлив, Мира касается одной из ближайших нитей. Та качается и начинает вибрировать, передавая колебание другим паутинкам. Что-то сильно толкает в грудь, заставляя согнуться. Горло перетягивает незримым жгутом. Нагнетает паника, но закричать не позволяет удушье. Вырывается сдавленный, почти бесшумный хрип.

Ноги теряют опору. На долю секунды Мира зависает в невесомости и начинает стремительно скатываться, как по трубе в аквапарке. Бьет дрожь, зубы стучат, Мира стонет, затем срывается на пронзительный крик. Она обхватывает голову и крепко жмурится, ощущая, как ломается что-то – то ли снаружи, то ли внутри нее...

Падение обрывается так же резко, как и началось.

Звон, треск, шепот.

Безмолвие.

– Что происходит?

Ходит... ходит...

По коже прокатывается ветерок и шелестит листьями. Мира размыкает веки.

– Какого?...

Вокруг возвышается белоснежный лес. Огромные деревья отдаленно походят на дубы Булонского леса, серебристые стволы и абсолютно белые широкие листья создают непроходимую чащу. Землю устилает мягкая светлая подстилка с легкой примесью желтизны. В прохладной атмосфере висит голубоватая полумгла, не позволяющая определить – утро или вечер.

Мира растерянно озирается.

– Э-эй, есть тут кто?

И осекается.

«Если здесь кто-нибудь есть, вряд ли мне это понравится», – запоздалая мысль.

Впереди извивается петляющая между деревьями тропинка. Мира идет по ней, не подозревая, куда выйдет. По мере движения сизость рассеивается, становится прозрачно и светло. Солнечный свет порождает на серебряных стволах радужные переливы. Шурша листвой, по лесу носятся четверокрылые красноперые птицы с черными хохолками. В полете они поочередно взмахивают сначала первой парой, затем второй, разгоняясь до безумных скоростей. Птицы резвятся, планируют низко над землей, поднимая в воздух кучи опавших листьев. Резкий клокочущий голос отдается звонким эхом.

Тропа выводит к открытому пространству, кончающемуся обрывом. С обрыва открывается вид: бескрайний черный океан. На бледно-лиловом небе в зенит входит рубиновое Солнце. С левой стороны, на расстоянии около пятидесяти метров, в воздухе висит скала, похожая на перевернутый конус. И еще одна. И еще.

– Это какая-то магнитная аномалия...

Затылок защекочет теплое дыхание. Мира медленно оборачивается. И зажимает рот рукой.

Надо ней склонилось и таращит огромные черные бусины глаз двуногое сутулое существо, покрытое белой густой шерстью. Верхние и нижние конечности равны по длине, а лицо – вытянуто и все в крупных складках. От неожиданности Мира спотыкается, оступается и, размахивая руками, с диким прорвавшимся криком летит в океан.

Темные воды смыкаются. Некоторое время она с ужасом погружается в пучину. Последние пузырьки воздуха выходят из легких. Начинаются конвульсии.

Тем временем воды теряют в мрачности. В едва уловимом круговом движении вырисовываются очертания полупрозрачных рыб. Под углом внутри гибких тел поблескивает золотое свечение. Косяк постепенно закручивается и восходящим потоком выталкивает Миру из воды.

Мира с шумом втягивает воздух, как насос. Вновь появляется небо и горизонт, а на горизонте – суша. Мира плывет.

Мокрая и продрогшая, она выходит на каменистый берег. За ним возвышается густой хвойный лес, отливающий индиго. Камни и деревья присыпаны тонким слоем подтаявшего снега. Длинная и ровная полоска берега увенчана вполне земной пристанью с лодками, шхунами и яликами.

Выдыхая пар, Мира стягивает потяжелевшее от воды платье и выжимает. Закончив, развешивает одежду на ветках крайнего дерева и, присев на валун, вглядывается в океан и парящие скалы.

Кто я?

Шуршит прибой, лобзает покатые камни. Ветер свистит между веток. В лиловом небе разводы тонких перистых облаков. Силуэты лун.

Кто я?

Над головой другое небо. Под ногами другая земля. Моя ли? Этого ли я ждала?

Я ждала?...

С детства мне казалось, что Земля – чужая планета, а настоящий дом – среди звезд. Я убежала из дома, поднималась на крыши небоскребов и смотрела в замутненное электрическим светом небо и думала, что какая-то чудовищная ошибка привела меня сюда. Я не могу никуда деться, не могу сбежать. Застрыв на Земле, я вытягивала руки к небу и трогала пустоту. Мне снился сон – за непреодолимым барьером вырисовывались размытые очертания неведомых земель. Я хотела оказаться в особенном месте! Все на Земле казалось ненастоящим, искаженным, неправильным. Я отчуждалась и лишь повторяла, стоя на крыше:

– Забери меня! Забери!

Нужен был всего лишь шаг...

Но сознание било в колокол. Бред! Ересь! Безумие, прикрытое фантазиями. Как у твоей матери! Не верь себе! Но почему? Почему?

– Верните меня в тот рай, из которого изгнали!

Слезы застилали глаза. Слезы говорили: «Ты родилась здесь, здесь и останешься, кончится твой путь, прорастешь травой».

Травой...

Мира вскидывается.

Нет, это не галлюцинация. Значит... Что это значит, папа? Я телепортатор! Значит, все

было не просто так.

Страх моментально сменяется любопытством.

Вскочив с валуна, Мира натягивает задубевшее на морозе платье и направляется в глухой бурелом. Через четверть часа, подравши ноги, руки и лицо, она находит ухоженную просеку с глубокой прямой бороздой, проходящей по центру. Замок на рукаве дрыгается и тянется вниз.

– Магниты? – с недоумением шепчет Мира. – Их тут явно любят.

Пройдя вдоль борозды, она выходит из леса к небольшому холму, с которого открывается вид на идеально круглый город – нагромождение больших и малых полусфер, издали напоминающих бугры пучения. В правой части располагается самое большое купольное здание.

Повернувшись боком, Мира начинает спускаться по отвесному склону.

Воздух колышется и бьет в спину. В пяти метрах над землей летит белый орел, размером с шатл. На спине птицы виднеется светлая фигурка всадника. Мира едва успевает ухватиться за траву, чтобы не покатиться кубарем.

У городских ворот никто никого не задерживает и не проверяет. Мира беспрепятственно проходит вместе с несколькими путниками в город и вливается в толпу. Она бесцельно бродит по улицам и осматривает здания, построенные из светлого дымчатого камня, похожего на гранит. Сверху донизу купольные своды украшают ажурные трифории и аркады, фасады покрывают узоры и скульптуры.

В расположении полусфер не прослеживается четкого плана. Складывается впечатление, что строили, где пустовало, как в игре-симуляторе, поэтому одни улицы чересчур широкие, а по другим – не разойдутся двое.

Люди дополняют город: высокие, стройные, светлокотые, с белыми или светло-персиковыми волосами и большими серебристыми глазами с голубоватыми зрачками. Одеваются аскетично, функционально, без украшений.

В целом, как мы, думает Мира, только какие-то... блеклые. Она создает контраст, как яркое пятно среди сплошной бесцветности, на что, впрочем, никто не обращает внимание. Может, они ее не видят?

Вдоволь нагулявшись, Мира садится на нижнюю ступеньку многоуровневой лестницы, ведущей к эспланаде у гигантского дворца. Напротив кряжистый старик в полушубке торгует ярко-синими фруктами. Увидев мясистые плоды, Мира понимает, что околела до смерти и зверски проголодалась, с этим нужно что-то делать.

Выждав, когда торговец отвернется, она целеустремленно направляется к деревянным ящикам и осторожно протягивает руку к плодам. Сзади раздается гортанный вскрик:

– Пошла прочь!

Подбежавший мужчина хлопает ее по кисти.

Пространство резко сжимается, геометрия домов-сфер искажается и приобретает новые измерения. Воздух снова выдавливается из легких.

– Папа, зеваешь! – Голос отдаляется. – Тебя-бя чу-чуть не об-об-не-с-с-ли-ли! – Слоги множатся, растягивая слова.

Откуда я знаю их язык?

Глаза режет от нарастающего контраста, завеса слез мутит окружение. Последнее, что она слышит, – свист и дребезжание стекол. Зрение проясняется, и взгляд устремляется в...

...бурые топи. Розоватые ветви свешиваются над трясинной. Желтые отсветы играют

на стволах. Из дула сгусток вещества смотрит всеохватывающим глазом. Воронка затягивает...

Мира приходит в себя на заднем сидении кара. Нечто – делирий, видение – отступает и сразу забывается.

– Ты очнулась? – сдержанно цедит Теодор Даль. Его спина в полосатой рубашке и голова с редкими полуседыми волосами подаются вперед.

Мира трет кулаками глаза и выпрямляется. Наверно, Матильда позвонила ему.

– Что произошло?

– Ты упала в озеро.

– Понятно... Пап, я хочу сказать, я должна...

– Ты должна была учиться, – не дает договорить отец. – Мне позвонили с университета и сказали, что ты даже не пыталась исправиться, – он мельком глядит на дочь и с нажимом произносит: – Мира, о чем ты думаешь?

Ответа не следует.

– И вместо того, чтобы пойти домой, рассказать, – продолжает Даль, – ты летишь со своей подружкой на континент, где собираются асоциальные элементы! Мне стыдно за тебя! Вы там курили?

– Нет! Матильда летала по работе и...

Поняв, что в оправданиях нет смысла, она умолкает.

– Да, молодец! Отчислилась и поспешила гулять! Когда ты вообще собиралась сказать, что у тебя проблемы?

Город за стеклами сливается в одну линию, кар летит со скоростью гоночного болида.

– Я не собиралась!

– Почему?

– А какой смысл с тобой разговаривать? – говорит Мира после долгого молчания. – Когда мы последний раз хоть о чем-то говорили по душам? Теодор Даль, светило науки, всегда такой важный, такой занятой! Тебе и дела нет до меня, пока я не начинаю портить твою безупречную репутацию!

– Боже, это невыносимо! – восклицает Даль в сердцах. – Я больше не могу! За какие грехи ты мне досталась?

Жесткий комок камнем чешет горло. Крупная слеза падает на коленку и растягивается широким пятном.

– Ты совсем не ценишь тех, кто рядом! – глотая воздух, всхлипывает Мира. – Черствый! Ты любишь только звезды! На маму тебе было плевать! Ты просто забыл о ее существовании, отрезал и выбросил! За это я тебе досталась! Живи с этим! А теперь ты и меня пытаешься сделать ненужной!

– Как ты смеешь так говорить? – Теодор поворачивается и бросает суровый испепеляющий взгляд. – Ты! Неблагодарная! – Он со злостью направляет на Миру указательный палец. – Считаешь, я ваши жизни испортил? Отлично! Замечательно! Тогда покончим с этим, собирай вещи и...

– Смотри на дор...

Кар тараном пробивает переходный мост. Ноги зажимает смятым металлом и креслами. Машина глохнет. Кабину крутит, и со страшным свистом от прорывающегося через трещины воздуха кар пикирует в городскую пропасть.

Тьма над бездной...

Рион качается на стуле в аппаратной радиосвязи. Накручивает на палец тесемки рубахи. Осенний сквозняк порывами врывается в форточку и ерошит пюсовые волосы.

– Прием, – звенит тонкий голос Имы.

– Ты опять в моей комнате?

– Нельзя?

Улыбка замирает на губах.

– Тебе все можно.

Сумерки призрачным облаком наплзают на Зорак, за окнами потихоньку темнеет. Отражение Риона, подсвеченное из комнаты, полупрозрачной маской плавает на стекле поверх тенистых контуров домов.

– О чем ты мечтаешь, Рион?

– Я никогда об этом не думал.

– Подумай сейчас... Подумал?

– Моя мечта не сбудется.

– Скажи.

– Хочу отправиться туда, где сходятся все пути.

– Что ты хочешь там найти?

– Далекие голоса, которые здесь не услышать и свет, который не увидеть.

– Тебе нужен корабль. А их давно нет.

– Поэтому и не сбудется.

– А если бы был корабль, теоретически, ты бы взял меня с собой?

– Если хочешь...

– Я тебя люблю, Рион!

– М-м... что?

– Как брата, хоть и сводного! А ты что подумал? – смеется она. – Свет Маэцу! Рион...

– Да так, ничего...

– Кстати, братец Лаен считает, что ты извращенец и хочет, чтобы я держалась от тебя подальше. Как он это представляет, мы же в одном доме живем? Диву даешься, как наша интеллигентная матушка произвела на свет такое палено. Еще и не докажешь ничего. Если он узнает, что я прогуливаю занятия, чтобы поболтать с тобой...

– Тебе ничего не будет. Посидишь под домашним арестом за учебниками. А с меня Лаен три шкуры спустит, потом уговорит отца выслать меня куда-нибудь, чтобы не маячил и не портил благвоспитанных девушек...

– Кстати, братец сейчас в доках, руководит разгрузкой металл-дерева с Воздушных городов и погрузкой продовольствия для них, скоро зима, там с голоду помирают среди бесплодных камней. Работы много, наверняка Лаен только за полночь вернется, смекаешь?

– Тогда идем ночью на утес, на наше место.

Он представляет Иму, сидящую на мягкой траве, накручивающую на палец прядь белоснежных волос, путаемых ветром и падающих колечками на покатые плечи. Ветер раздувает платье. Полные жизни серебряные глаза заговорщицки подмигивают. Има болтает ногами над пропастью. Внизу бурлящая пена накатывает на скруглившиеся валуны. На горизонте штормит. Има – буря, она вписывается в пейзаж и наполняет его смыслом.

И жизнь Риона в последнее время – тоже...

– Почему ночью? – обижается Има.

– Потому что сейчас я работаю. И Лаен работает. И отец. Чтобы вы с мамой никогда не марали руки, ясно?

– Ты такой правильный! Тебе всего девятнадцать циклов, а уже как противный старик. Тебе радио важнее нашей дружбы?

Дружбы...

– Нет.

– Тогда сбрось напускную взрослость и беги!

– А если кто-нибудь свяжется?

– Кто?

– Из-за вспышек на Солнце помехи через раз. Если из Фаля или Воздушных не смогут связаться с портом, будут пытаться вызвать Зорак, и я должен быть на месте.

– Бьюсь об заклад, даже случись что, никто о нас не вспомнит. Зорак – глушь Гехены. Тем более, уже вечер, значит, в столице отдыхают, там лишний раз никто не напрягается. А ты попусту убиваешь время в тесной камерке.

– Мне нравится тихо и размеренно убивать время. Всю жизнь бы так прожил.

– Дурак! А мечта?

– Всего лишь грезы, которым я мирно предаюсь, убивая время в камерке.

– Фу, невыносимо! Ладно! Давай, не задерживайся! Я жду!

Помехи.

– Свет Маэцу! – Надтреснутый голос. – Что это там?

– Има! Ты что-то сломала? Если сломала, я тебя...

Шипение. Второй приемник взрывается треском.

– Зорак, прием. Говорит Фаль.

– Прием, Фаль. Это Зорак, – вяло откликается Рион. Идиллия, царившая минуту назад, не выветривается из головы.

– Зорак, Фаль атакован, повторяю, Фаль атакован, – тараторит хриплый голос на том конце. – Возведен силовой щит. К вам движется...

Рион абстрагировано смотрит в окно. На лиловом небе разрастаются черные пятна.

– Что? – тупо переспрашивает он. – Это шутка?

– Зорак, вы вообще понимаете, о чем я говорю?! – кричит мужчина. – Вторжение! Они появились прямо над Фалем! Похищали, жгли! Город в огне...

– Подождите, – Рион делает предупредительный жест, будто собеседник сидит прямо перед ним. – Что значит, похищали и жгли? Кто напал?

В комнате дребезжат стекла.

– Машины, – поникшим голосом отвечает гехенец из Фаля. – Спаси вас Маэцу!

Он отключается.

От звона стекла кровь леденеет в жилах. Рион срывается с места. Как такое может быть? Именно сейчас. Внезапно... Има, Лаен, родители...

Заносит на поворотах. Хватаясь за углы влажными ладонями, Рион рвется на улицу, прочь от радиовышки. На улице – сутолока. Прохладный и умиротворяющий вечер располагает к прогулке по мощеным дорожкам. Рион выскакивает и, перепуганный, взмыленный, несется домой.

– Бегите! – кричит он. – Прячьтесь!

На него смотрят с опаской и фыркают. Никто не слушает и не слышит. Он хватается за руку пробежавшего мимо маленького мальчика.

– Иди домой, слышишь? – надрывается Рион.

Мальчик выдергивает руку и насупливается.

– Как тебя зовут?

– Эран.

– Эран, тут опасно! На нас напали!

На барабанные перепонки давит низкочастотный гул, кажется, что под кожей скребутся жуки. Тем временем, малец выскальзывает и теряется в толпе.

– Вы это слышите? – спрашивает прохожий, окинув народ тревожным взглядом. – Станный звук.

– Да, есть что-то такое, – отвечает женщина. – Неприятное.

На Зорак плавно наступает тень.

Воздух над крышами рассекают свист и лязг тормозных систем. Черный, как смоль, корабль зависает низко над городом, закрывая небо. Загораются прожекторы, из раскрывшегося квадратного люка спускается длинный трап, по которому сходят четыре пришельца – металлические тела, покрытые чем-то вроде чешуи или крупных перьев, все глянцевое, блестит. Рион пятится. Осторожно, стараясь не привлекать внимание, открывает ближайшую калитку и скрывается в плетущихся жемчужно-розовых кустах живой изгороди.

Он почти не дышит.

Лица пришельцев состоят из множества геометрических граней, изумительно переливающихся под электрическим освещением. Рион смотрит с восхищением и скованным телом первобытным ужасом.

Один из пришельцев, слегка наклонив голову, поднимает руку, сжатую в кулак, и стреляет из предплечья шариком, плотно врезающимся в кожу одному из бесстрашных, подошедших близко, гехенцев. Вспыхивает золотистое ядро устройства, и мужчина втягивается в точку.

Секундное замешательство толпы сменяется визгом. Остальные пришельцы следуют примеру первого и методично расстреливают несколько десятков гехенцев.

Рион ничего не понимает.

Командир вскидывает руку, и все четверо возвращаются на борт. Как только корабль приподнимается над землей, из шлюзов сыпется рой беспилотников, похожих на темно-серые пули. Ударяют лазеры. Дроны проворачиваясь, разрезают и поджигают все в пределах досягаемости.

Загорается куст. Рион выползает из укрытия и ползком добирается до перевернутой повозки на перекрестке. Озирается: на улице свалено около сотни окровавленных тел, отовсюду слышны страшные вопли и стоны, вдалеке виднеются вспышки и грохочут взрывы. В минутном порыве он хочет выбежать и помочь раненым. Над городом щебечут птицы. Свистит, и к ногам Риона, собравшегося покинуть укрытие, падает тело красного многокрыла с развороченной грудной клеткой. Он в ступоре глядит на опаленное, изуродованное тельце, раскрытый в последнем крике клюв, распластанные крылья. И остается на месте.

Никому я не помогу. Лишь попаду под луч и останусь лежать, продырявленный и остывающий, потративший последние минуты на бессмысленный героизм.

С угла перекрестка заметен массивный фронтон дома Кайя, его приемной семьи,

нетронутый, целый. Появляется росток надежды. Рион срывается с места и едва успевает затормозить, когда над улицей повисает дрон. Как глаз, на него уставлено окошко генератора.

Лазер бьет прямо над головой. Кто-то сбивает Риона с ног и прижимает к земле. Осколки стекла и камня брызжут в стороны, больно ударяя по спине. Закладывает уши.

– Ты бессмертный? – орет Лаен, бешено вращая головой.

Рион судорожно цепляет его за локоть и шепчет или, кажется, что шепчет, а на деле кричит:

– Има с тобой?

– Я здесь! – взволнованное лицо девушки показывается из-за огромного обломка стены.

Лаен с Рионом, пригнувшись, подскакивают к ней.

– Что происходит? – стараясь бодриться, спрашивает Има. – Где родители?

Она вытирает непроизвольные слезы подолом грязного палевого платья.

На волевом лице Лаена – горечь, он не отвечает, лишь обнимает сестру крупными сильными руками.

– Рион, что-нибудь сказали по радио?

Рион потирает переносицу и пытается побороть подступившую головную боль. Во рту сохнет. Он ничего не соображает. Голос Лаена теряется в пустоте.

– Рион!

– Да? Что?

– Нужно уходить! Вставай! – Лаен подает руку, но Рион встает сам.

На улице царит хаос. Надвигается ночь. Вечерний сиреневый свет разрывают ярко-красные лазеры. Кто-то бежит, пытаясь выбраться из города, кто-то падает, пораженный смертоносным лучом. Полыхают здания.

Спотыкаясь через обломки, Рион идет следом за Имой и Лаеном, стараясь держаться поближе к стенам.

– Выйдем из города и спрячемся в лесу! – говорит Лаен.

Снизу нарастает гул.

Дрожит земля.

Плохое предчувствие настигает Риона.

– Берегитесь!

Поверхность встряхивает небольшой толчок. Затем – сильнее. Рион пошатывается, но не падает. Има вцепляется в руку брата. Следующий удар сбивает с ног. Рион перекачивается на спину и кашляет, наглотавшись пыли. Поверхность с грохотом расходится по швам, трещины ширятся, дома-сферы с оглушающим грохотом погружаются под землю. С одного из зданий откалывается скульптура и обрушивается, отрезая его от семьи, с громом поднимается в воздух грунт.

– Лаен! – зовет Рион, приподнявшись на локтях. – Има! Где вы?

Никто не отзывается. Застлавшие атмосферу пыль и сажа не позволяют разглядеть очертания дальше вытянутой руки. Невозможно дышать. Глаза, залитые потом, жжет и щиплет. Рион пытается встать и чуть не срывается в расщелину. Успеваает ухватиться за острый край выбоины и подтягивается, царапая пальцы. Земля качается, он валится, затем встает, держась на полусогнутых ногах, твердь ускользает, и он снова падает.

– Вы слышите? Лаен? Има? – кричит он, срывая голос.

Тряска обрывается.

Город продолжает оседать. На поверхности остаются лишь купольные

полупровалившиеся крыши. Рион опускается на колени.

Скорее всего, они погибли, думает он холодно, неосознанно. Их могло задавить скульптурой, могли упасть в провал. Нужно уходить.

И осекается. Нет, я не знаю наверняка!

До полуночи он бродит по городу, подолгу обходя трещины. Пытается разобрать завалы, прислушивается, зовет. В душе зреет давящее чувство утраты. Мир разрушился за несколько часов. А может... Лаен с Имой могли уйти в лес, подумав, что его, Риона, завалило обломками. Круто развернувшись, он бежит на восток, к хвойнику.

Но когда подходит к опушке, понимает, что никого не найдет. Густой дремучий лес, как бездна, не пропускает постороннего света и звука. Массив стоит особняком. Безмолвие нарушают только скрип кружащихся крон. Рион, пораженный тишиной и покоем, несколько минут смотрит на высокие стволы. Лес, живущий размеренно и бесконечно долго, просто не замечает того, что произошло.

Недалеко впереди дерево свисает в западину. Наружу выступают многочисленные волнистые корни. Устроившись в яме, как в колыбели, Рион переводит дух.

Завтра вернусь в город, решает он и, прикрыв лицо предплечьем, отключается.

Ничего не снится. Между ночью и рассветом проходит меньше доли секунды. Будит лязг металла. Вывернув голову, Рион выглядывает из укрытия. Бряцающая суставами, приближается пришелец. Машина подходит совсем близко, издавая дробный писк. Рион прикрывает трясущиеся веки и старается дышать как можно тише. Притворяется мертвым.

Шаги затихают.

Что-то щелкает.

Рион понимает, что перед ним застывшее лицо пришельца.

– Пошел...

Он пихает врага ногами и, хватаясь за корни, вылезает из западины. Пришелец отталкивается от земли, разрывая мох, и в один прыжок преодолевает расстояние до Риона, догнав, сбивает и, поставив ногу на грудь, придавливает к земле.

– Хороший экземпляр, – произносит он на чистом гехенском и стреляет из предплечья.

Плечо обжигает.

– Подонки!

Эллипсоид с золотистым ядром врезается в кожу и вспыхивает. Тело уплотняется, сжимается и разворачивается по спирали обратно. Рион приземляется на четвереньки, долго отрывисто дышит, подавляя приступы рвоты.

Со злостью отдирает и швыряет устройство. Потускневшая железка откатывается в угол и звякает.

В кромешной тьме под руками ощущается холодный каменный пол. Разогнувшись, Рион нащупывает шершавые стены, ходит по периметру, на ощупь, и заключает, что находится в квадратном замкнутом помещении, а точнее, в плену. В плену у неизвестных и неизвестности.

Мира резко открывает глаза. Она кричит и задыхается. В ушах звенит. Пижама прилипла к мокрой спине. Она осматривает комнату, будто оказалась в ней первый раз. Одежда и подушка валяются на полу, простыня – скомкана. Через открытое окно врывается ветер и колышет гардину. В комнату просачивается утренний легкий свет, придавая белым стенам приятный нежный оттенок. Предраассветная тишина и прохлада постепенно возвращают в реальность. Эхо гнетущего сна отступает в подсознание, оставляя тупое оцепенение.

Прошло четыре года, а кошмары до сих пор терзают разум. В тот роковой вечер кар, падая, столкнулся еще с несколькими мостами, сработавшими как амортизаторы, позволяя относительно мягко приземлиться. Мира отделалась ушибами и сильным испугом. Отец сломал ногу и несколько ребер. Мира думала, что после происшествия все изменится, отношения наладятся, семейные разговоры больше не будут сводиться к взаимным упрекам. Ведь не сложились все так удачно, последними их словами друг другу могли бы стать желчные претензии. В больнице между ними произошел трогательный, но серьезный разговор, они обещали друг другу: отец – быть внимательней и обходительней, Мира – ответственной и собранной. Некоторое время так и было. Но все перечеркнул телефонный звонок.

Голографик показал лицо лысого усатого старичка.

– Теодор, ты решил уравнения?

Мира слушала разговор, прислонившись к дверному косяку. Отец шаркал по комнате от окна до кровати и обратно.

– У меня все готово, – ответил он.

– Можем бросить до парсека?

– Не надо рваться. Начнем с одного светового.

– Энергии хватит и на большее. Ты знаешь, я пересчитал кое-что и понял...

Даль подошел и закрыл дверь.

Как всегда, подумала Мира, будто научная заумь – табу для непосвященных.

До боли выгнув шею, Мира прислонилась ухом к двери и слушала дальше.

– Ты о чем? – сказал Даль, уходя вглубь комнаты. – Сколько объяснять? Пятое измерение не свернуто внутри континуума, а континуум вкручен в пятое!

Собеседника не слышно.

– Господи, Костя, ты два плюс два сложить-то хоть сможешь? Через метрический тензор Римана, конечно. Мне тебя из соски кормить что ли?

Костя бубнил что-то в ответ.

– Делай, что хочешь! Но чтоб через четыре года преобразователь был! Это крайний срок! О снабжении я позабочусь!

Через неделю Миру приняли телепортатором в компанию «Две стороны». Она вернулась поздно вечером с радостной вестью, но дома никого не оказалось. Шкафы открыты, вещи разбросаны. Мира подобрала несколько оборванных по краям листов бумаги с расчетами – Теодор Даль всегда считал на бумаге – и среди них нашла короткую записку: *«Улетел на Луну. Не жди. Квартира – твоя. Живи, как хочешь».*

Взметнув занавески, веет влажной прохладой. Кожа покрывается мурашками. Мира обхватывает и трет плечи. Из звуков вокруг – только ранний птичий щебет с улицы. Она подходит к окну и прислоняется к раме. Из маленькой квартиры налево открывается вид

на бескрайний Атлантический океан и далекие плавучие молниевые конденсаторы, обеспечивающие острова энергией, направо – панорама просыпающегося города.

– Пожалуйста, прекрати ко мне приходить, – говорит Мира отцу из снов. С утра голос звучит с хрипотцой. – Я не скучаю! Ты всегда был несправедлив! Я тебя ненавижу! Ненавижу, слышишь?

Никто не слышит.

Но становится легче.

Издали приходит звук – долгий хлопок, за ним – ударная волна. Мира думает, что это забивают сваи на соседнем острове, скоро там возведут новый город.

Шлепая босыми ногами по плитке, Мира идет в ванную. В душевой автоматически включается нейтральная вода. Оживляющая жидкость вымывает из головы сегодняшний кошмар, как и все предыдущие.

Щелчком выключается вода. На мутной стенке душевой кабины мигает табличка «суточная норма». Выругавшись, Мира тянется за полотенцем, чтобы стереть остатки мыла и замечает: капли ползут по руке вверх. Она встряхивается, и вода, оторвавшись от кожи множеством бусин, повисает в невесомости. Вокруг шарики отрываются от пола, стен, парят в воздухе, соединяясь, разлетаясь, отражая и искажая пространство.

Время замедляется. Предметы удаляются по мере приближения. Тело будто подхватывают волны, качает взад-вперед, сначала корпус, затем голову. Твердая поверхность исчезает из-под ног. Мира парит в воздухе среди множества зеркальных сфер. Звуки затихают, углубляются. Контрастность цветов нарастает. Пальцы касаются больших мерцающих капель. И в этот момент оглушает пронзительный звон. Мира инстинктивно зажимает ладонями уши и больно ударяется о мокрый пол душевой кабины.

За четыре года не научилась контролировать переходы. Как же это на тебя похоже, Мира, думает она, валяясь в луже.

Умный дом вещает томным женским голосом:

– Пора на работу.

– Знаю! – огрызается Мира. – Сгинь!

Через полчаса она стоит в коридоре в ожидании лифта, облокотившись о стену и поглядывая на стрелочку. Когда створки разъезжаются, приходится втискиваться в плотно набитую кабинку – минус жизни на маленьком перенаселенном острове. Но континенты теперь – заповедники, научные стационары и агроландшафты, туда нельзя.

Под потолком красное табло показывает 8:03. Моргает. 32⁰C. За три часа температура подскочила на пятнадцать градусов. Стоящий рядом толстый мужчина постоянно оттягивает воротничок рубашки.

– Душновато сегодня, – замечает он. – Может, клим-кон барахлит.

Аномальной жары не было уже сто с лишним лет, со времен изобретения климат-конструктора. После последней экологической катастрофы, страшной засухи, продлившейся двадцать лет подряд и унесшей жизни почти миллиарда людей, человечество научилось контролировать фотосинтез и управлять климатом и погодой в любой точке планеты.

Матильда рассказывала, как работает система кислородной фермы: огромные резервуары, связанные в мировую сеть, – жидкие солнечные панели, два миллиона квадратных километров фотосинтетически активной поверхности каждая, заполнены цианобактериями, которые секвестрируют углерод из атмосферы и осаждают в форме известняка. Метаболическая активность водорослей контролируется химическим путем.

Влияя на распределение температур по земной поверхности, можно контролировать и другие параметры: давление, ветры, испарение. Больше нет неопределенности, где нужен дождь – там пойдет дождь. Где хочется солнца – будет ясно. Стабильное комфортное будущее.

Но сегодня чересчур жарко. Воздух колышется как при пожаре. Над океаном произвольно собираются облака. Под козырьком остановки Мира обмахивается кепкой. Ноги в джинсах накаляются. По шее стекает пот и мочит ворот белой футболки. Люди причитают.

Подлетевший грави-бас набит плотнее, чем лифт. Чтобы залезть, приходится вдавить массу тел. Кому-то далеко внутри наступают на ногу, тут же вспыхивает скандал. Двери сдвигаются со скрипом. Работает кондиционер, но воздух не охлаждается. Пассажиры интенсивно дышат.

Мира прилипает лбом к стеклу и смотрит на проносящиеся мимо фасады, прикрытые голографической красочной рекламой, стараясь забыть, что вокруг куча озлобленных людей, объединенных ненавистью друг к другу, к сегодняшнему утру, к завтрашнему дню и ко всему на свете.

Автобус минует изваяние Пьера, широкоплечего, горбоносого и кудрявого, держащего в вытянутой руке флюгер, и влетает на фешенебельный Первый Западный проспект. Через пару минут Мира выходит с чувством великого облегчения и спускается на гравитационной платформе на землю.

Через дорогу в облака упирается зеркальный зиккурат, по форме напоминающий ракету. Над широкой входной дверью белые буквы складываются в название – «ТелепортТранспортная компания – Две стороны».

Впервые она попала сюда три года назад, откликнувшись на вакансию в сети. Ее вместе с другими новобранцами провели по цепочке лабораторий, где проводили тесты, беседы, сканирование, делали подозрительные уколы, брали анализы и, наконец, закончили испытаниями на трансгрессоре.

Через пару дней их собрали в актовом зале за круглым столом для вводного инструктажа. Неспешным шагом зашел мужчина лет тридцати, этакий хлыщ, разодетый в стиле Вилли Вонка¹, и представился:

– Уолтер Флоренс, старший телепортатор. Я ваш куратор.

Без вычурной одежды Уолтера трудно выделить из толпы, настолько он внешне непримечательный: сухой, с темно-каштановыми волосами, острым подбородком и полупрозрачными светло-карими глазами слегка навывкате. Он расстегнул фиолетовый пиджак и сел во главе стола, положив ногу на ногу.

– Вы теперь официально телепортаторы, лица компании, – сказал он. – Но знаете ли вы, кто такие телепортаторы?

– Ребята со сверхспособностями, – заметил сосед Мира.

– Сверхспособности – это чудо. А чудеса – это загадки для науки. Справедливо заметить, что консенсуса относительно природы телепортаторов до сих пор нет, но последние исследования говорят, что мы с вами – компьютерниумы.

– Что это значит? – спросила Мира.

– Компьютрониум – это живая программируемая компьютерная модель.

– То есть мы не люди? Мы – компьютеры?

– Человек – это вопрос самоопределения...

– А с биологической точки зрения?

– Серединка на половинку.

Мира подозревала нечто подобное, поэтому в минуту, когда у всех случилась короткая истерика, на нее снизошло спокойствие.

– Если так, кто наш создатель?

Уолтер лишь пожал плечами. Но Мире показалось, что он темнит. И, главное, всю жизнь темнил отец. Почему?

Что я такое?

Здание оживает. У стойки регистрации копится народ. В зале ожидания люди поглядывают на информационное табло с расписанием перемещений. Из голографика, встроенного в стену, ведущая-блондинка вещает новости:

«Сегодня утром на атлантической башне климат-конструктора прогремел взрыв. Ответственность за теракт взяла на себя секта – „Дети Травы“. Как сообщает источник, поджог был произведен при помощи ста тысяч галлонов ракетного топлива, украденных со склада в Нью-Хьюстоне. Подробности уточняются...»

Холл разом замолкает. Все, кто пожарился утром на улице, понимают, какие это сулит неприятности. Бессмысленные слова, произнесенные таинственным голосом в Багателе, приобретают зловещую окраску. В душе Миры ворочается смутный темный ком.

– Даль! Ну, наконец-то! – Подбегает Уолтер Флоренс. – Не прошло и года!

Сегодня на нем миртовый костюм из тонкой шерсти и дорогие коричневые ботинки.

– Ты – телепортатор, – веско говорит Флоренс. – Достаточно щелчка, хлопка... или какой там у тебя алгоритм?...чтобы мгновенно оказаться где угодно. Почему ты едешь на общественном транспорте и опаздываешь?

– Есть причины. – Мира нажимает кнопку вызова лифта.

– Старуха ждет, – оповещает Флоренс и цокает, в своей манере открывая переход.

«О космической погоде. Сегодня отмечена аномальная солнечная активность, спровоцировавшая мощную геомагнитную бурю. Возможны сбои в работе электронных приборов...»

Мира идет по длинному затененному коридору до кабинета директора – старухи Элен Ковальски. Аккуратно стучит.

– Войдите! – раздаётся фальцет.

Внутри кабинет напоминает антикварную лавку: травянистого цвета стены, несколько шкафов-горок из темного дерева, коричневые занавески, всегда прикрытые до половины, оставляют зазор для лучей, играющих на хрустальных вазочках. Каждый раз, заходя в кабинет, Мира переносится в другую эпоху.

За массивным дубовым столом сидит Элен, двухметровая особа, способная занять телом все физическое пространство, а крикливостью – ментальное.

– Еще раз опоздаешь, и будешь искать работу! – Элен хлопает по столу пигментной ладонью и сверлит Миру взглядом.

Никогда она меня не уволит. В мире каждый прыгун на вес золота.

– Извините, – Мира пытается сделать пристыженное лицо.

– Чтобы в последний раз! Вылетишь отсюда! – Элен указывает на полукруглое коричневое кресло напротив стола. – Садись!

Мира одергивает футболку, помявшуюся на талии, садится. И только тогда замечает, что у окна, скрестив руки за спиной, стоит коренастый субъект в мешковатом кремовом костюме. Он подходит и усаживается во второе кресло.

– Знакомься, – сияет Элен, – Диего Руис Альмокера, летописец освоения Солнечной

системы из отдела СМИ Светоча. Мой добрый друг.

Так она перед ним рисуется? Изображает властную хозяйку. Мире смешно.

– Очень приятно, – Диего протягивает руку.

Он смуглый, с взъерошенными темными волосами, довольно моложавый. Из кармашка рубашки торчат шариковая ручка и стикеры – вещи прошлого века. Наверно, они с Элен члены какого-нибудь клуба любителей старины. Чем стремительнее становится прогресс, тем больше людей хотят создать вокруг себя старинный антураж. Но зачем? Откуда берется навязчивая ностальгия по временам, которых никто из ныне живущих не застал?

Немного помедлив, Мира отвечает на рукопожатие и натянуто улыбается.

– К делу, – приступает Элен. – Мистер Альмокера обратился в «Две Стороны», чтобы заказать на несколько дней телепортатора.

«Нанять извозчика», – автоматически переводит Мира.

– Для работы над важным проектом, – Элен кивает Диего.

«Из личной прихоти».

– Мадам Ковальски рекомендовала вас, как хорошего прыгуна на короткие дистанции, – радуется Диего.

– Ого, я о себе такого не знала!

Элен с удвоенной силой долбит по столу.

– А-а..как же Флоренс? Он на любых дистанциях – профи.

– Уолтер занят, – ставит точку Элен и гневно таращится на Миру.

– Понятно.

«Отмазался куратор».

За спиной Ковальски кукушка дает бой. Диего сверяется со своими часами. Постукивает по дисплею.

– Странно, – говорит он, – настройки сбились. Ваших рук дело?

Опять...

– Нет, это из-за солнечных вспышек.

– Вероятно.

– Что у вас за проект? – спрашивает Мира из вежливости. В сущности, ей все равно, чем занимаются клиенты.

Диего оживает.

– Я собираю информацию о достижениях Нового Возрождения, связанных с освоением Солнечной системы. Это мой профиль. Мне необходимо посетить Луну и Марс. Хочу взять интервью у Константина Соловейчика, а, может, и у Теодора Даля...

«Я бы тоже хотела взять у него интервью», – думает Мира.

– Говорят, Даль не очень охотно встречается с журналистами. Но это ничего, нам бы только ногу в дверь просунуть. Вы в курсе, что на днях удалось совершить гиперпрыжок без помощи телепортатора?

– Нет.

Диего лезет в карман брюк и вытаскивает голографик, вводит запрос, ставит коробочку на край стола. Вспыхивает объемное изображение Луны и белокурая бессменная ведущая на фоне.

«Новости Атлантики. На станции Луна-1 сделано феноменальное открытие. Доказана возможность гиперпрыжков через пятое измерение. Космологи Теодор Даль и Константин Соловейчик провели сложный эксперимент, результатом которого стало практически

мгновенное перемещение манекена в пространстве. Напомним, исследования начались четыре года назад в частном институте компании Gravity на острове Светоч. Первые результаты были получены спустя...»

– Занятно.

– Вы однофамильцы? – интересуется Элен.

– Он мой отец.

– Правда? Как вам повезло! – мечтательно вскрикивает Диего. – Выдающийся человек!

Вы же меня с ним познакомите? Думаю, вам будет даже приятно оказать мне услугу, – заявляет Диего.

С чего бы мне радоваться твоим поползновениям? Меня тошнит после каждого прыжка.

А отец... отец...

– Погостим на Луне и отправимся на Марс! Там, на базе-ноль работают мои товарищи, Юлиан Гидеон Хансен, специалист по почвенной микробиоте, и Питер Йович, инженер систем жизнеобеспечения, мы познакомились в прошлом году в центре подготовки космонавтов в Нью-Хьюстоне. Знаете, я ведь сам чуть было не стал колонистом, только немного струхнул – ответственность большая. Но судьба все равно связала меня с космосом. Как раз на днях я получил спецзадание – подготовить полный отчет о прогрессе в терраформировании Марса по запросу правительства. Я ведь не простой летописец, я – исследователь. Звонит мне Гоцци...

Некоторые люди просто не умеют изъясняться кратко. Мира жалеет, что спросила о проекте. Еще чуть-чуть, и он начнет освещать свою биографию, начиная с утробы.

– Хорошо, мистер Альмокера, я поняла. Когда перемещаемся?

– Сейчас.

Изоляция сводит с ума. Дни утекают в прошлое в темноте и тишине. Жутко хочется пить, есть, и вновь увидеть цвета и образы. Изредка тяжелая железная дверь открывается и откуда-то из мрака, расплескиваясь и скребя по полу, подъезжает миска с водой или скудной похлебкой. Собрав остатки сил, Рион рвется в темный проем и получает сильный удар током в солнечное сплетение. В себя приходит на том же холодном полу камеры.

Первое время он разговаривает с собой, кричит, царапает стены потухшим эллипсоидом, пытаясь извлечь любой звук. Ходит кругами. Упражняется. Сбивает костяшки о стену.

Мир замыкается.

Устав говорить, Рион молча тонет во тьме.

Все чаще посещает мысль, что реальность не снаружи, а внутри, кроется в черепной коробке набором проекций. Давящая точечная боль между бровей превращается в третий глаз, смотрящий на разрастающуюся в сознании бездну. Бездна поглощает мысли и эмоции, превращая их в беспросветный черный туман.

Бессмысленно держать меня здесь до самой смерти, утешается он, им что-то нужно.

Личность распадается на фрагменты. Из мозаики выпадают частички, и через пустоты свищет холодный ветер забвения. Грань между сном и былью становится неразличимой. Барьер, отделяющий «мир» от «я» – ломается. То, что смотрело из глаз, теперь врастает в стены и пол, расширяется, как черная дыра, жадно поглощая и смакуя жалкие сигналы внешнего бытия.

Первые дни Рион отмеряет по чашкам с водой, которые после попытки к бегству появляются и исчезают, пока он спит. А как не спать? Или нет никакой чашки? Это иллюзия? Вскоре он теряет чувство времени. Да и зачем время, если вокруг бесконечная ночь?

Когда существование-в-себя приближается к точке невозврата, раздается шорох – первые посторонние звуки, помимо редкого скрежета двери, которые он слышит за неизвестно сколько времени. Они как живительная влага наполняют мозг. Внешняя жизнь постепенно возвращается. Рион концентрируется, пытаясь определить источник. Шорохи усиливаются, нарастают волной. С шумом распаивается дверь.

В камеру впускают рвущий глаза свет. Двое киборгов хватают его под мышки и волокут, упирающегося, в коридор. Ледяные металлические руки оттягивают голову и вкалывают в шею болезненную золотистую сыворотку. Взгляд туманится и меркнет.

Жизнь возвращается в другом месте – в сером прямоугольном помещении, освещаемом ультрафиолетовыми лампами. Слева широкий гермозатвор, справа – ряды узких столов, на которых лежат неподвижные ге Xenoc с механическими конечностями.

Спохватившись, Рион привстает и осматривает себя. Одежду сняли, тело обернули в какую-то белую тряпку, ноги на месте, но вместо рук – протезы из темной стали, сильные и подвижные, достигающие до плеч. В месте стыка пульсирует тупая боль. Кое-где запекшаяся кровь.

С правой стороны кто-то сипло, но равномерно дышит. Обернув тряпку вокруг шеи, Рион идет к соседнему столу.

– Свет Маэцу!

В полнейшей прострации смотрит в потолок Лаен. Ему заменили ноги. Руки лежат

на груди. Спокойное восковое лицо ничего не выражает, лишь периодически моргают остекленевшие глаза. Рион трогает его за руку.

– Ты слышишь меня? – Лаен не реагирует.

Тогда Рион несильно хлопает брата по щеке. И дергается. Лаен выставляет вперед руку и сухими пальцами впивается ему в горло.

– Пусти! Пусти! Идиот!

Инстинктивно схватившись протезами за руку, Рион не рассчитав силы, ломает ее в двух местах. Обмякшая конечность падает и, слегка покачиваясь, свешивается со стола. Лаен возвращается в отстраненное состояние.

Рион ошарашено пялится на механические руки, затем с отвращением – на обезличенное существо, бывшее раньше его братом, и разворачивается. С другой стороны мерно спит в летаргии фигуристая девушка.

А что если Има где-то здесь? Невозможно даже думать, что девочку шестнадцати циклов, почти ребенка, могут заточить в каземат, превратить в полумашину и лишит рассудка. Он шагает между рядами, осматривая безмятежные лица. Имы Кайа среди них нет. Но это ничего не значит, таких палат может быть множество. Их определено множество...

Рион подходит к двери – ни рычагов, ни ручек, ни панелей, открывается снаружи. А еще снаружи попискивают голоса пришельцев. Он подбегает к столу, ложится и, выдохнув, максимально расслабляя мышцы лица, притворяется спящим.

Пришли за ним и Лаеном. Стаскивают со стола, кладут на каталку и везут. Рион считает повороты. Направо. Налево. Направо. Еще раз направо. Остановились, открывают дверь. Лаена катят дальше. Рион не может больше терпеть и открывает глаза. Такое же серое помещение, только в разы меньше, полное разных приборов, между которыми снуют мелкие роботы, отдаленно напоминающие фагов, виденных в древних книгах предков. Один держит в тонких лапках протезы ног.

Два пришельца на разных концах комнаты копаются в оборудовании.

Это единственный шанс. Рион поднимается с каталки и бесшумно прыгает на спину ближайшего пришельца. Киборг сгибается, пытаясь его сбросить. Второй кидается на помощь, но он не успевает. Рион валит противника на пол, обездвигивает, обхватив ногами туловище, мертвенной хваткой стальных рук отрывает голову. Вовремя заметив нацеленный бластер, рефлекторно закрывается. Луч скользит по металлу, оставляя опаленный черный след.

Схватив оружие с пояса убитого, он стреляет в ответ. Киборг отшатывается. Вскочив с пола, Рион, обуянный ненавистью и страхом, расстреливает заряд, подходя ближе и ближе. И отчаянно отбрасывает заклинивший бесполезный бластер.

Пришелец, секунду назад бывший мертвым, выпрямляется и неестественно смеется. На броне лишь небольшие вмятины и трещины.

– Наивное животное, думаешь, что можешь убить нас? – говорит киборг. – Даже его, – он указывает головой в сторону напарника, – ты просто повредил.

Не отводя глаз, Рион пятится и толкает дверь – дверь заперта. Тем временем киборг медленно приближается. Через трещину в броне мерцает голубой свет. Сердце.

– Брак! – говорит машина и приставляет бластер к голове Риона. – Почему ты не в коме?

Одного сильного удара хватает, чтобы пробить изуродованный корпус. Прочно схватившись за энергоблок, Рион отпихивает пришельца ногой. В руке остается сияющий куб, оплетенный проводами. Внутри происходят превращения, похожие на термоядерные

реакции в недрах звезд. Сияние слабеет и вскоре гаснет.

Расковыряв скрюченные пальцы убитого, Рион вытаскивает заряженный бластер, методично пристреливает роботов и палит в электронный замок на двери. Створки разъезжаются, пропуская в пустые промозглые коридоры.

Сжимая оружие, Рион ищет выход. В любой момент из-за угла могут показаться пришельцы. При каждом звуке, будь то гулкая одинокая капля или странное скомканное эхо, тело сжимается, а сердце стучит в горле.

Через несколько минут хождений по лабиринту попадаетесь лестница, ведущая к закрытому люку. Рион собирается лезть вверх, но недалеко впереди открывается дверь. В коридор выходят два пришельца и направляются в противоположную от лестницы сторону. Борясь с собой, – идти или нет? – Рион идет туда. Держась стены, он подбегает и заглядывает внутрь.

Лаен.

– Очнись! – тряся брата за плечи, сдавленно кричит он. – Давай, очнись! Ты же тогда среагировал!

Лаен с тупым выражением смотрит мимо.

– Я тебя не оставлю! – Рион бросает куб, зажимает бластер между шеей и подбородком, и, взяв Лаена за руки, тащит к лестнице. – Ты спас меня в Зораке! Мой черед.

Добравшись, он, стягивает тряпку, привязывает Лаена к себе, обмотавшись вокруг торса и шеи, и начинает восхождение.

– Ну и туша же ты, братец! – пыхтит Рион. Лаен – крепкий парень, а вместе с протезами весит как корабль Прибытия.

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/43r>

notes

Вилли Вонка – герой повести Роальда Даля «Чарли и шоколадная фабрика».